

КЛУБ МОЛОДЫХ

— Большинство зрителей знает вас по работам в кино. Мне же хочется начать с разговора о театре. Что вам дал «Современник»? Довольны ли вы тем, что делаете на сцене?

— Я всегда точно знала, что театр — это единственное, что мне нужно. В «Современнике» я играю три сезона, а до этого — три года в Студии киноактера на «Ленфильме». Довольна ли я? За три сезона — десять ролей, все они дороги мне, все важны. Многого зависит и от труппы — у нас замечательные актеры...

— Чем же интересны роли, сыгранные на сцене театра, что между ними общего?

— Каждая из моих героинь — личность, и представляет интерес уже этим, и — как свойственно личности — они индивидуальны, поэтому в них больше различий, нежели сходства, и все-таки есть в них общее: стремление к познанию окружающего, поиски истины, поиски самого себя, то есть вечное движение духа, «ртутное состояние» даже при кажущемся, внешнем покое. Интересны мне в них черты, присущие молодости: сила внутренней энергии, бьющей через край, бескомпромиссность. Это люди, которые достаточно, несмотря на свою молодость, сильны, и даже если им случается проиграть в какой-то ситуации, они оказываются сильнее обстоятельств, не теряют достоинства, не упускают той основной нити, которая ведет их. Они живут интенсивно, умеют радоваться и страдать.

Пережить потрясение, горе, счастье дано каждому человеку, но в жизни мы стесняемся проявления своих чувств открыто, так боимся чужих глаз, что закрываем в себе все-все-все, на сердце надеваем широкий ремешок и затягиваем его, глаза прячем от чужих взглядов. И вот: смотрите-ка, у меня все в порядке, но в меру — никаких сильных ощущений, прочь переживания, я мило улыбаюсь, я очень выдержана (или выдержан). Так и идет нормальная «выдача» усредненных эмоций. Счастье и особенность нашей профессии в том, что, на мой взгляд, мы, актеры, можем выявить наши чувства на сцене. А зритель как раз и приходит в театр за потрясением. Михаил Че-

лов, кажется, сказал, что на сцене надо жить «большими чувствами». Иногда приходится даже домысливать роль, когда видишь, что где-то, в перспективе есть нить, за которую можно ухватиться и найти вот эти большие чувства.

— В вашем репертуаре — я уже имею в виду театр, и кино, и ТВ — роли разного плана. Есть ли для всех, помимо поиска «больших чувств», одна, общая точка отсчета?

— Человек никогда не бывает однозначен, одномерен, и именно контрасты в людях, вернее, сочетание разных «полюсов» и есть самое интересное для меня.

Марина НЕЁЛОВА,

лауреат премии Ленинского комсомола

КАЖДАЯ РОЛЬ — КАК ПЕРВАЯ

Прошлой осенью в Москву приезжал известный польский режиссер и теоретик современного театра Гротовский. На встрече в «Современнике» мы спрашивали, заковывает ли он актера в тесную конструкцию или пускает плыть по воле волн. Он ответил, что у него нет для актера понятия «твое место», есть берега, в которых актер может действовать «от и до». Мне показалось это очень верным: режиссер должен указать не точку, а диапазон, потому что такой подход будит фантазию актера, дает ему возможность попробовать себя «от берега до берега». Если говорить о молодых режиссерах нашего театра, то интересной мне кажется работа Валерия Фокина, который недавно поставил спектакль «И пойдут, и пойдут» — инсценировку Достоевского. Занят в спектакле молодые актеры Константин Райкин, Елена Коренева, Авангард Леонтьев, их работа интересна по подходу к сложнейшему материалу, а для самого Фокина она стала новой ступенью в режиссерских поисках. Я работала с ним, и мне нравится именно то, как он относится к актеру. К сожалению, есть режиссеры, которые не

дают актеру ничего нового, используя в очередной раз уже приобретенные им навыки, оставляя сторонними наблюдателями. А эта «бездобрность» губительна. Если мне, например, дать полную свободу, не ограниченную «берегами-стенами», то я выскочу в окно, полезу на крышу, и результат окажется плачевным. Зато какое чувство благодарности испытываешь к режиссеру, который направляет тебя, близок тебе по духу и с которым в конечном итоге вы вместе приходите к желаемому результату.

Фильм «Слово для защиты»

— Кино и телевидение сильно изменили жизнь актера. Он сейчас постоянно на виду: встречи, фотографии, интервью. Актеры везде нужны, необходимы: утром — детская передача на телевидении, потом — репетиции и съемка, вечером — спектакль, а в это же время в эфире — телевизионная передача. Здесь — опасность повтора, тиражирования самого себя. Не обкрадывает ли это актера? Есть ли у него время задуматься и осмыслить: что видишь, что выбираешь, что делаешь?

— Люди всех профессий живут в таком же темпе, когда нет ни секунды свободного времени, даже в часы отдыха тянется за человеком шлейф его переживаний и проблем. У всех так — актеры не исключение. А сумеешь ли ты сохранить себя в текучке — будешь ли способен тво-

рять, — зависит от того, есть ли у тебя что спросить и ждешь ли ты от жизни ответов на свои вопросы. Но мне кажется, сама профессия заставляет нас относиться к жизни, если так можно сказать, «потребительски». День складывается, как мозаика: чьи-то лица, чьи-то голоса, чья-то улыбка, чьи-то слезы, все-все-все впитывается, все понадобится, и поэтому невозможно разграничить: это — моя жизнь, а это — работа. Процесс творчества у актера непрерывен. Правда, есть в этой непрерывной нашей занятости существенный минус. К сожалению, нет времени заниматься «тренажем» систематически, как делает это пианист, каждый день разыгрывая гаммы. Меня всегда удивляет, когда драматическому актеру вме-

Спектакль «Четыре капли»

няется в заслугу, если он, предположим, хорошо двигается, хотя это является его обязанностью и входит в понятие профессии. Мы — почти все — весьма непрофессиональны в этом плане, а обязаны уметь многое.

— Все, о чем мы говорили, в основном касается театра. А кино? Приносит ли оно такое же удовольствие и — главное — желание немедленно снова, завтра сниматься?

— Кино для меня — это вообще странная вещь, странные у меня с ним взаимоотношения. Вроде бы с него начинала... и до сих пор кидается в авантюру с кинематографом с надеждой и всерьез, но не всегда эти надежды оправдываются.

— Сейчас идет фильм «Слово для защиты», в котором вы сыграли роль молодой женщины, обвиняемой в попытке убийства возлюбленного. Критика уже сказала свое слово. А что вы сами можете сказать об этой роли?

— Первоначально предлагалась мне роль адвоката, но интереснее было попробовать себя в роли защитной, потому что она героиня из моего ряда «не покорившихся обстоятельствам». Там, где обстоятельства могли бы сломить человека и более зрелого, Валентина Костина

сумела сохранить самое главное — себя. Что ж сказать о самой роли? Смотреть фильм в первый раз — мучительно, ничего не могу отделить: фильм, я, моя роль, чужая роль, кадр, режиссура. Выхожу с ощущением, что все плохо, плохо, и начинаю проигрывать снова, «в уме». Как известно, поздно. Проходит не-

На съемках...

которое время, все отдаляется, успокаивается, я могу смотреть сухими глазами и начинаю разбираться: вот здесь, предположим, не я виновата, а здесь уж точно — моя вина. Так и со «Словом для защиты»: есть удачные куски в роли, есть просчеты. В театре через несколько спектаклей после премьеры я могу «изменить направление» благодаря режиссеру и зрителям, роль в конце концов укладывается, и начинается новый этап работы. В кино же все — конец! И это чувство ужасно.

— Неужели из-за этого вы не хотите сниматься?

— Нет, причина в другом. Сколько раз: читаю сценарий и не могу найти ничего для себя дорогого, вроде бы так похоже на жизнь, но не интересует эта «похожесть», потому что не хватает в ней тех самых «больших чувств». У нас много режиссеров, которые верны своим актерам: Витаутас Жалакявичус постоянно снимает Будraitиса, Баниониса, Адомайтиса, Андрей Тарковский работает с Анатолием Солоницыным в кино, а теперь и в театре, молодой режиссер Никита Михалков нашел своих актеров. Посмотрите, как прекрасны результаты этих содружеств! И я хотела бы работать — параллельно с театром, ни за что его не бросив, — в кинематографической «группе». Безусловно, кино интересно и «смейной личи». Но беда его в том, что оно нередко предлагает роли в узких границах.

— А если сделать перерыв в кино и на телевидении?

— Вряд ли получится, потому что боюсь упустить роль, которая может ока-

заться для меня важной и интересной. А на телевидении часто бывает так: разбежишься — размахнешься, увлечет тебя грандиозность замысла, а в результате за все дорого платишь. Обычно все пытаются сделать скорее, скорее: два часа на свет, на репетицию, а теперь давайте, давайте, работайте, мы ж отовсюду прекрасных актеров собрали, все мастера, чего же медлить... А на экране видна эта сырость и быстрота! И все-таки, несмотря на то, что театр для меня — главное, а кинематографу и телевидению, как вы видите, отведено свое, определенное место, это не значит, что я не буду сниматься (если, конечно, будут приглашать): для актера кино и телевидение открывают новые, особые возможности, чтобы на экране выразить характер современного человека. Конечно, я не застрахована от ошибок, ибо это искусство, оно не программируется и очень часто для актера состоит из неожиданностей. Но фильмы идут, телевизор смотрят, и идут письма...

— Что же вы можете сказать о ваших корреспондентах?

— Как ни парадоксально, если я читаю отрицательный отзыв о своей работе, который соответствует моему собственному ощущению, — это меня радует: значит, я могу объективно оценивать свою работу. Если хвалят, когда я сама вижу — не за что, то письмо вызывает внутренний протест: такое послание, как мне кажется, означает, что человек не хочет разбираться, у него определенная инерция восприятия — один раз сыграла удачно, понравилась, и это переносится на все роли. Или наоборот: «...а также вы не плохо сыграли в фильме...» — и называют мимоходом дорогую мне картину, дорогую потому, что она была переломом, переходным моментом в моей судьбе. Очень огорчает, если зрители не пытаются разобраться, что сделано и как. Чаще всего я получаю письма с требованием рецепта: «Как стать актрисой? Как стать кинозвездой?» Ну как стать актрисой? Сколько раз об этом говорили, и писали, и высказывались... Разве кому-нибудь подошли эти рецепты? Разве можно такое советовать? Всегда у всех это по-разному. Единственно: стать актрисой — на это легко решиться и трудно быть.

Интервью взяла
Л. ПОЛЬСКАЯ

Фото М. СЛЕЗИНГЕРА